

Кондратюк Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, e-mail: kondr@krao.ru

Kondratyuk Tatiana Alexandrovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, department of social pedagogy and social work, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, e-mail: kondr@krao.ru

УДК 316.4

© А.А. Ефанов

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ ПАНИК КАК ПРЕЦЕДЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье предлагается осмысление моральных паник как прецедентов социальной действительности, произошедших за последние тридцать лет. Систематизируются разработки отечественных и зарубежных социологов в области конструирования моральных паник. Впервые предпринимается попытка типологизировать современные моральные паники в зависимости от механизмов конструирования и характера социальной направленности.

Ключевые слова: моральные паники, типологизация, медиа-истерия, народные бесы, С. Коэн.

A.A. Efanov

STRUCTURAL TYPOLOGIZATION OF MORAL PANICS AS PRECEDENTS OF SOCIAL REALITY

This article considers the understanding of moral panics as precedents of social reality, having taken place for the last thirty years. The works by the Russian and foreign sociologists in the sphere of moral panics constructing are systemized. The attempt to typologize modern moral panics according to the mechanisms of constructing and the nature of social orientation has been made for the first time.

Keywords: moral panics, typologization, media-hysteria, folk devils, S. Cohen.

Развитие глобализационных процессов, характеризующихся высоким уровнем совершенствования информационных технологий, позволяет говорить о разрушении существующих границ: как географических – возникновение «глобальной деревни», – так и моральных, при котором общество становится объектом манипулирования современных средств массовой информации. Наиболее деструктивным явлением становятся моральные паники, воспринимаемые как болезнь информационного общества.

Современные отечественные и зарубежные исследователи пытаются найти прецеденты «народных бесов» в происходящих вокруг социальных процессах, нередко отождествляя с моральной паникой любое деструктивное явление действительности, независимо от механизмов его конструирования и характера социальной направленности. Таким образом, следует разграничить подобные явления, обозначаемые «моральными паниками», на собственно моральные паники и панические общественные настроения. За основу исследования были взяты основные теоретические разработки отечественных и зарубежных социологов за последние тридцать лет, анализирующие основные наиболее дест-

руктивные явления общества. Если моральные паники (по С. Коэну) выступают в качестве «угрозы социетальным ценностям», которые разрушают сложившиеся нравственные границы, панические общественные настроения – появляются в результате возникаемой опасности в отношении сохранения неимущественных социальных благ – жизнеспособности общества и каждого его отдельного индивида. При этом оба типа моральных паник конструируются вокруг социально не защищенных слоев (дети, молодежь, пенсионеры), «народными бесами» при которых выступают группы населения из так называемой «зоны риска», склонные к девиантности и нередко подвергаемые стигматизации.

Следует подчеркнуть, что основной социально не устойчивой категорией является молодежь, которой априори приходится преодолевать процесс самоидентификации, приобретающей различные формы выражения и коллективизации. Социологи сходятся во мнении, что появление любой новой группировки для россиян – это «слом культурного базиса народа, серьезный социальный недуг, равный по степени влияния алкоголизма или наркомании» [9, с. 104], поскольку «наклеиванию ярлыка» под-

вергается молодое поколение как некий «преемник», приходящий на смену нынешней социально активной группе и потому вызывающий у нее беспокойство за нравственное здоровье будущего «базиса» общества.

По утверждению Д.В. Громова, моральные паники как «эффективный инструмент общественного манипулирования» выступают в качестве механизма развития молодежных сообществ. Вслед за С. Коэном, Д.В. Громов замечает, что моральные паники «не только пугают общество «народными бесами», но и создают им рекламу, обеспечивая приток в разрекламированные сообщества новых участников. Именно в СМИ часто создается канон субкультурного образа, которому затем следуют неопиты» [3, с. 164–165]. Ученый выдвигает этапы появления и дальнейшего укрупнения молодежной группы:

- возникновение группы;
- детальное описание СМИ особенностей этого сообщества;
- нарастание общественных фобий, сопровождаемое возникновением моральной паники, характеризующейся чрезмерной акцентуацией внимания к «мифологизированному образу» группы;
- формирование «обратной реакции», при которой молодежь начинает активно вливаться в ряды сообщества, заимствуя образцы поведения, представленные в СМИ.

Подобная модель была присуща как молодежным сообществам советского периода (возникновение неофашистов, рост движения хиппи, появление люберов), так и современной России (увеличение численности скинхедов, популяризация субкультуры готов). К примеру, муссирование информации о «молодежи со свастикой» привело к всплескам уличной антифашистской активности, а стереотипизация, будто хиппи является культурой наркоманов, заставляло новых сторонников движения употреблять наркотики, хотя статистические данные свидетельствовали, что среди хиппи наркоманов было не больше, чем среди представителей других молодежных движений. Обилие в конце 1980-х гг. новостей о группировках в Татарстане породило моральную панику, получившую название «Казанский феномен». Засилье статей о спортсменах – борцах за «нормативное» поведение советского народа – стало «отправной точкой» в массовом увеличении субкультуры люберов. Фобиям вокруг скинхедов поспособствовало убийство таджикской девочки в Санкт-Петербурге, после чего северная столица стала восприниматься как «город скинхедов», а события 2007 г. в Белгороде, когда по городу пронеслась весть, что скин-

хеды всей страны соберутся здесь на празднование дня рождения Гитлера, породило массу слухов: от волнений горожан до информации о погибших в результате якобы произошедшей стычки.

Сексолог и антрополог И.С. Кон говорит о захлестнувшей СССР моральной панике в отношении освобождения сексуальной культуры, причем ее первая «волна» 1920-х гг. привела к ужесточению цензуры и репрессивным мерам к искусству того времени; вторая «волна» постперестроечного периода – повлекла возникновение антисексуальных лозунгов с призывами блокировать сексуальное образование, что воспринималось учеными как «геноцид российской молодежи, со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые очень скоро могут стать необратимыми» [4, с. 45].

В конце 1980-х гг. в мире стало набирать популярность рейв-движение с музыкальным направлением «хаус», проникновение которого в Россию Р.П. Лисеев сравнивает с моральной паникой. Протест СМИ против андеграунда принес новому жанру еще большую востребованность, «в результате моральная паника стала традиционным способом увеличения объемов продаж молодежной музыки» [5, с. 126], чему нередко благоволят и сами представители молодежной индустрии.

В середине 1990-х Америку повергли в шок чудовищные преступления тинэйджеров, якобы больных игроманией, что стало началом возникновения моральной паники в отношении компьютерных видеоигр. Общественные активисты утверждали, что подобные увлечения подростков провоцируют жестокость, бесконтрольную агрессию и вызывают сильнейшее привыкание. Стрельба в американских школах, особенно трагические события в Колумбинской школе в 1999 г. «подхлестнули» медиапсихоз, сопровождавшийся выступлениями первых лиц государства, в том числе Б. Клинтона, и обернувшийся не только паникой среди родителей, боявшихся за судьбу своих детей, но и большими экономическими последствиями по причине того, что в учебные заведения стали массово закупать камеры видеонаблюдения и приобретать специальные фотобейджи для каждого школьника. Однако впоследствии оказалось, что связь между компьютерными играми и необузданной агрессией школьников – минимальна, преступлений среди взрослых ничуть не меньше, чем среди подростков, а, согласно официальной статистике, «людей, к примеру, пораженных ударом молнии, в три раза больше, чем убитых в школе» [14, с. 192].

В конце 1990-х гг. в США пронеслась другая истерия – весть о череде убийств детей на ритуальной почве, – смоделированная на основе индивидуальной коммуникации – сплетнях и слухах. М. де Янг выделяет так называемые «три лица Дьявола» – способы конструирования проблемы. Она рассматривает ритуальное насилие как «идеологию подрыва», как «слуховую панику» и как «современную легенду», где акцентируется внимание на травматическом характере стресса [12]. Добавим, что в результате гонений, корни которых, по утверждениям Д. Леммингса и К. Уолкер, идут со времен «охоты на ведьм» [15, с. 253], начавшихся вследствие медиа-истерии, были задержаны десятки подозреваемых, однако в дальнейшем все были отпущены – следствие не смогло установить виновность ни одного из «сатанистов».

А еще раньше – в 1980-е – Америку настигла волна моральной паники по поводу употребления наркотиков, которая «добралась» до нас лишь к середине 1990-х гг.

Подтверждая ранее выдвинутый С. Коэном тезис, что моральные паники – это «преувеличенная социетальная реакция на то или иное условие, не соответствующее его реальной опасности», П.А. Мейлахс проводит исследование наркотизма, где в ходе опроса выясняет, что школьники осведомлены в ситуации с употреблением наркотиков значительно лучше, чем их родители. Это актуализирует мысль, что «реальное знание наркотической ситуации школьниками делает их менее подверженными моральной панике и апокалиптическим настроениям, распространяемым СМИ» [7, с. 108]. Понимание самой сути проблемы – в данном случае с наркотиками – способствует более трезвой, опосредованной оценке ситуации, «моральной аргументации», защищенности индивида от воздействия моральных паник, а ощущение опасности ведет, в свою очередь, «к борьбе за моральную чистоту рядов». Моральная паника наркотизма зарождается в 1990-е, после муссирования информации о нападении наркоманов на пенсионеров, ставшей своеобразным катализатором, а угасание наметилось на фоне экономического кризиса начала 2000-х гг., сопровождавшегося высокой инфляцией. Таким образом, вслед за Коэном, Мейлахс заявляет об изначально заложенном – диалектическом механизме угасания любой моральной паники. При этом все проблемы 1990-х, участвующие в «моральной битве» того периода, также самонейтрализовались. Добавим, что истерия в отношении наркотизма является собственно моральной паникой, поскольку «народными бесами» – основными потреби-

телями – выступает молодое поколение, воспринимаемое как физическая, а вместе с тем и духовная мутация общества.

Изучая конструирование средствами массовой коммуникации социальной проблемы защиты прав детей-сирот, П.И. Городецкая замечает, что данный вопрос не занимал лидирующих позиций на публичной арене, а первичное осознание масштабности проблемы – количества воспитанников детских домов – началось лишь в середине 1990-х гг. При этом особое внимание вызвали убийства российских детей в американских приемных семьях, когда общество забило тревогу, после чего жесткие заявления последовали и со стороны первых лиц страны, однако западная пресса расценила «действия властей Российской Федерации как попытку поднять волну общественной истерии» [2, с. 83]. Между тем, П.И. Городецкая приходит к выводу, что большее внимание акцентировалось на «нарушении прав детей, чем на их защите».

Исследователь в области социологии детства С.Н. Майорова-Щеглова развенчивает моральную панику в отношении детства, связанную с современными информационными технологиями, когда «дети Интернета совсем не общаются друг с другом. Дети с помощью компьютера просвещаются в вопросах секса. Дети привыкают только развлекаться. Дети становятся жестокими после Интернета. ИКТ конструируют новые картины мира у детей» [6, с. 254]. По результатам опроса, подкрепив их данными Фонда Общественное Мнение, Майорова-Щеглова заключает, что наряду с высокой степенью компьютерной грамотности и использованием ИТ-технологий как в образовательной, так и в досуговой деятельности, современное «медиа-поколение» не становится менее социализированным: общается со сверстниками в реальной жизни и не уходит в виртуальное пространство, а информацию о насилии и сексе получают с экранов телевизоров. Инициаторами возникновения подобных моральных паник становится старшее поколение, поскольку «культура взрослого большинства» склонна подчеркивать «девиантность» особенности «молодежной культуры», конструируя как «отклоняющуюся» для акцентуации ее субординированной позиции в обществе» [8, с. 55]. В связи с этим социологи называют современную молодежную политику – действиями «пунитивного толка (с акцентом на наказание и контроль)» [11, с. 156].

Социолог Е. Селивинова, изучая феномен возникшего в 2000-е гг. «движения сознательно бездетных» – «childfree», – замечает, что подобное явление стало перерастать в моральную па-

нику, связанную с «последствиями сознательных отказов от детей как угрозы вырождения нации» [10], хотя статистические данные свидетельствуют о малой доле сторонников «движения бездетных» по сравнению с увеличением количества многодетных семей.

Ф. Донсон, Г. Честерс, Э. Тикл и А. Велш, изучая движения антиглобалистов как объект конструирования моральной паники, определяют, что «старт» истерии дали протестные настроения и толпы демонстрантов, окружившие здания Международного валютного фонда и Всемирного банка в Праге в сентябре 2000 г. СМИ взяли на себя функцию нарратива и описывали стиль протеста «Ya Basta!», при этом не всегда были готовы к очередному «вызову» активистов, которые показали, что новые «народные дьяволы не собираются быть тихой и пассивной целью дискредитации и маргинализации» [13, с. 26]. Конструирование этих «народных бесов» имеет некоторые сходства с традиционной моделью, но также предлагает некоторые новые элементы, по которым их понимание выходит за рамки моральных паник. По мнению социологов, протестующие не являлись «частью моральной паники»: народные массы не были охвачены истерией, а дискуссия разворачивалась только между учеными и религиозными лидерами, что только стимулировало активистов к дальнейшим действиям.

Киевский исследователь моральной паники И.В. Битюк, соглашаясь с российскими и зарубежными коллегами, заключает, что моральные паники выступают в качестве механизма для «закрепления нравственных границ общества», устанавливаемых СМИ. Журналисты «нагнетают страхи» вокруг ценностей здоровья и жизни: эпидемии гриппа, банкротства крупных предприятий и безработицы, используя такие «коммуникационные механизмы», как принцип запугивания, конструирование безвыходного положения, гиперболизация проблемы, представление проблемы с применением коннотации и стигматизации; а «для закрепления эффекта моральной паники журналисты задействуют принцип убеждения, который усиливает влияние на массовое сознание, путем оперирования цифровой информацией, наряду с использованием негативно оценочных слов и создания мультипликационной образности» [1, с. 61]. Согласно нашей типологии, понимание И.В. Битюк сущности моральной паники относится ко второму типу – паническим общественным настроениям, которые больше конструируются вокруг угрозы существующим общественным благам, нежели ценностям.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что моральные паники появляются вследствие возникновения широкого круга социальных проблем. Стигматизация и усиленная медиа-истерия характерна для явлений социальной действительности различной направленности, в результате чего моральной паникой являются «конечные продукты» процесса медиавоздействия, представляющие как «угрозу социальным ценностям» – собственно моральные паники, – так и опасность в отношении сохранения неимущественных социальных благ и жизнеспособности общества – панические общественные настроения. Различия можно заметить и в структурных компонентах явлений: если в основе собственно моральных паник лежит конструкционистский подход, то при формировании панических общественных настроений оперируют функционализмом.

Большинство социальных прецедентов классифицированы нами как собственно моральные паники, где под «удар» попадают нравственные границы общества, опасность их разрушения, либо конструирование наблюдается вокруг молодежи: как «жертвы», так и «народного беса» – угрозы социального перерождения, слома будущего «базиса» общества. Концентрация современных моральных паник происходит вокруг «сильных элементов» – социально уязвимых групп: пенсионеров (как в конструировании моральной паники в отношении наркотизма); детей (моральные паники, связанные с ритуальными убийствами, без вести пропавшими подростками, сексуальным просвещением в школах и педофилией). В процессе формирования и наращивания моральной паники конструкционисты пытаются не только персонифицировать проблему, но и работают над ее легитимизацией: привлечением мнений экспертов, а также путем «устранения конкурентности определенной ситуации, которая ставит под сомнение навязываемую картину мира» [7, с. 147], объявляется мифом и «обезоруживается». В качестве механизма предотвращения либо предупреждения любой моральной паники социологи сходятся во мнении о необходимости понимания природы деструктивного явления, его первопричины, генезиса.

Литература

1. Битюк І.В. Основи масовокомунікаційних механізмів формування моральної паніки (на матеріалі видання «Ваш шанс») // Матеріали шостої Всеукраїнської науково-практичної конференції «Журналістська освіта на Сумщині: набутки й проблеми»: збірник наукових праць. – Суми: Сумський державний університет, 2011. – С.60–61.

2. Городецкая П.И. Социальная интерпретация конструирования защиты прав детей-сирот в трансформирующемся российском обществе: дис. ... канд. социол. наук. – Самара, 2008. – 128 с.

3. Громов Д.В. «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // Историческая психология и социология истории. – 2012. – №1. – С.164–178.

4. Кон И.С. Сексуальные ценности и сексуальное поведение на фоне исторических перемен // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: материалы науч. конф. – М.: Центр демографии и экологии человека ИНИ РАН, 2002. – С.45–46.

5. Лисеев Р.П. Молодежный журнал как субкультурный феномен: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 188 с.

6. Майорова-Щеглова С.Н. Новые информационные технологии и молодое поколение: нет моральным паникам! // Интеллигенция в мире современных коммуникаций: сб. ст. / под ред. Ж.Т. Тошенко. – М.: РГГУ, 2009. – С.254–259.

7. Мейлахс П.А. Социальная рефлексия наркотической ситуации в Санкт-Петербурге: дис. ... канд. социол. наук. – СПб., 2007. – 195 с.

8. Райхштат А.О. Молодежные субкультуры в российском обществе: теоретические подходы и современные практики: дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2006. – 170 с.

9. Рюмин А.М. Современные стереотипы о России в массовом сознании жителей стран Запада: дис. ... канд. социол. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 148 с.

10. Селивинова Е. Чайддфри: без паники. Социологический взгляд. «Работа для меня – более интересная игрушка, чем ребенок» // Частный корреспондент. – 2010 // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.chaskor.ru/>

article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_174_46 (дата обращения: 11.09.2013).

11. Ярская В.Н. Молодежная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – №2. – С.151–164.

12. DeYoung M. Sociological views on the controversial issue of satanic ritual abuse: three faces of the devil // The American academy of experts in traumatic stress. – 1997. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.aaets.org/article26.htm> (дата обращения: 10.09.2013).

13. Donson F. Finding a new folk devil: (mis)constructing anti-capitalist activists // Working paper series. Paper 24. – Cardiff: Cardiff University, 2002. – 28 p.

14. Killingbeck D. The role of television news in the construction of school violence as «a moral panic» // Journal of criminal justice and popular culture, 2001. – №8(3). – P.186–202.

15. Lemmings D. Moral panics, the media and the law in early modern England. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – 279 p.

Ефанов Александр Александрович, соискатель кафедры методологии науки и прикладной социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Оребург, e-mail: yefanoff_91@mail.ru

Efanov Aleksandr Aleksandrovich, competitor for candidate degree, department of methodology of science and applied sociology, Mordovia National Research State University named after N.P. Ogarev, Orenburg, e-mail: yefanoff_91@mail.ru

УДК 3231/6:347.471:334.754

© О.Ю. Корпусова

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Данная статья посвящена изучению структура общественных организаций Республики Бурятия. В связи с этим рассмотрена сущность понятия «общественная организация». В статье изучена направленность сфер деятельности общественных организаций и описаны их специфические особенности. Проанализированы социально – культурные, экономические и нормативно – правовые факторы, влияющие на образование общественных организаций в республике.

Ключевые слова: структура, общественная организация, факторы развития, социально-ориентированные организации, физкультурно-спортивные организации, благотворительность, профессиональное объединение, попечительский совет.

О.Yu. Korpusova

STRUCTURE OF PUBLIC ORGANIZATIONS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA AT MODERN STAGE OF ITS DEVELOPMENT

This article is devoted to studying a structure of public organizations of the Republic of Buryatia. In this regard the essence of a concept «public organization» is considered. In the article the orientation of fields of activity of public organizations is studied and their specific features are described. The social-cultural, economic and standard –legal factors influencing on formation of public organizations in the republic are analyzed.

Keywords: structure, public organization, development factors, socially focused organizations, physical culture and sports organizations, charity, professional association, board of trustees.